

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
собрание сочинений · том 6

Собрание сочинений • том 6

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Москва 2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография из фондов Государственного центрального музея современной истории России «Музей-галерея Е. Евтушенко», автор фото *Валентин Мاستюков*

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Евгения Евтушенко

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 6 / Евгений Евтушенко. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-88381-3

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному, незашоренному мышлению, разрушая железный занавес. Первым поэтом, угадавшим в нем талант, был Б. Пастернак, высоко оценивший его стихи «Одиночество». Д. Шостакович признался в одном из писем, что читает стихи Евтушенко «Карьера» и «Сапоги» как молитвы. Джон Стейнбек предсказал, что в XXI веке Е. Евтушенко станет не менее читаемым прозаиком, чем поэтом. В книгу включены стихотворения и поэмы 1971–1978 годов, в том числе поэма «Голубь в Сантьяго», спасающая сотни жизней, публицистика, статьи о литературе. Книга содержит вкладку с уникальными фотографиями из семейного архива автора.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-88381-3

© Евтушенко Е. А. Наследник, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Стихотворения и поэмы
1971–1978 годов

1971

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Ты, гражданственность, флаг, а не флюгер.
Не порыв, а смертельный отрыв.
Тот, кто Родину подлинно любит,
тот в любви никогда не труслив.
Стань, гражданственность, строже и чище!
Ведь прохожих нелепо хватать
и, бия себя в грудь кулачищем,
им орать: «Я люблю свою мать!»

Ты, гражданственность, — Пушкин, Некрасов —
не болгаринствующие врали,
и замешена ты не на квасе,
а стоишь, словно Спас, — на крови.
Показной героизм криводушен.
Вы, не чувствуя собственных ран,
защищайте Россию, как Тушин —
незаметный ее капитан.

Все мы порознь — как в чаше тропинки,
и дорога — когда мы одно.
Все мы порознь — как в поле травинки,
ну а вместе — Бородино.
Боль гражданства — не в собственной боли.
Тот, кто истинный гражданин,
защищает собою все поле,
даже если он в поле один.

Январь 1971

Евгений Евтушенко

НЕИЗВЕСТНАЯ

Дамам в море быть рисково,
но, войдя в рыбацкий быт,
с репродукции Крамского
Неизвестная глядит.

Дама в кубрике — явление,
и тем более — одна,
только, нам на удивленье,
не смущается она.

И глядит, не упрекая
за раскаты храпака,
из России той — какая,
как Таити, далека.

Дремлет муфта на коленях.
Перед братией морской
перья страуса колеблет
козьеножечной махрой.

И от яростного хряска
домино или лото
чуть качается коляска
под названием «ландо».

Как нарочно, чтобы мучить
одиноких рыбаков,
петербургский хитрый кучер
не торопит рысаков.

И плакат про семилетку
возле мокрых сапожищ
грустно смотрит на соседку,
но от кнопок не сбежишь.

Неизвестная прекрасна —
это ясно, кореша.

Неизвестная опасна
тем, что слишком хороша.

И конечно, непохожи
наши жены на нее
по одеже и по коже —
стирка, штопка, ребятые.

Но в любой российской бабе
у корыта, чугуна
сквозь прибитое и рабье
гордость тайная видна.

И в старухах, и в девчонках
что-то прячется в тени,
и, быть может, тоже в чем-то
Неизвестные они.

А в любой Прекрасной Даме —
где-то — спрятанная мать,
и ее, быть может, тянет
нам тельняшки постирать.

И она кочует с нами
в чужедальные края
над волнами, сквозь цунами,
как рыбачка, как своя.

А когда мы у Камчатки
и во льдах идет аврал,
жаль, что тонкие перчатки
ей Крамской нарисовал.

27 января 1971

Это стихотворение, как и следующее, родилось во время поездки с писательской бригадой «Нового мира» на Дальний Восток в январе 1971 года.

Евгений Евтушенко

СОЛЕННЫЙ ГАМАК

Е. Рейну

Как времени хитрый песок,
шуршит табачишко в кисете...
Ветшает вельбот из досок,
ветшают и люди и сети.

И слушают гомон детей,
по-старчески этому рады,
ограды из ветхих сетей,
прозрачные эти ограды.

Они отловили свое,
но ловят еще по привычке
то дождичек, то лоскутье,
то выброшенные спички.

То в них попадает звезда,
то лепет любви изначальный,
то чей-нибудь мат иногда,
то чей-нибудь вздох невзначайный.

Все ловят — и ветра порыв,
и песенку чью-то, и фразу, —
и, пуговицу зацепив,
ее отдают, но не сразу.

И делает старый рыбак —
из крепеньких, смерть отложивших —
себе на утеху гамак
из старых сетей отслуживших.

И, пряча внутри свою боль,
обрывками сирыми узлан,
зубами он чувствует соль
на серых узлах заскорузлых.

Качайся, соленый гамак,
в размеренном шуме еловом.

Любой отловивший рыбак
становится тоже уловом.

Мы в старости как в полосе,
где мы за былое в ответе,
где мы попадаемся все
в свои же забытые сети.

Ты был из горланов, гуляк.
Теперь не до драчки. Болячки.
Качайся, соленый гамак,
создай хоть подобие качки!

Но море не бьет о борта,
и небо предательски ясно.
Нарочная качка не та —
уж слишком она безопасна.

И хочется шквалов и бурь, —
на черта вся эта уютность!
Вернуть бы всю юную дурь!
Отдать бы всю лишнюю мудрость!

Но то, что несчастлив ты, — ложь.
Кто качек не знал — неудачник.
И как на тебя не похож
какой-нибудь дачник-гамачник.

Ты знал всех штормов тумачи,
ты шел, не сдаваясь циклонам.
Пусть пресные все гамаки
завидуют этим — соленым.

Есть в качках особенный смак, —
пусть даже приносят несчастья.
Качайся, соленый гамак,
качайся,
качайся,
качайся...

Январь 1971

Евгений Евтушенко

ДОБРОТА

Музыка Э. Колмановского

Если женщина ты,
то о чем бы судьбу ни просила,
помни —

 без доброты
красота некрасива.
Год за годом пройдет
для тебя незаметно.
Красота отцветет.
Доброта неотцветна.

Припев:

Доброта, доброта.
Доброта — не какая-то малость.
Если в женщине есть доброта —
значит, женщина состоялась.

Горе или беда
для мужчин — не беда и не горе,
если есть доброта
даже в женском укор.
В доброте нет стыда,
в доброте только сила.
Как Россия строга,
будь добра, как Россия.

Припев.

Февраль 1971

*Композитор Э. Колмановский посвятил эту песню Светлане
Столпник.*

«ТИРАН»

По жизни я бы шало шел
навроде катера без якоря,

когда бы Слава Шалашов
не отучил меня от яканья.
Закон:
 «На судне нет гостей!» —
он выполнял без околичностей.
Он был врагом свободы личности,
не исключая и своей.
Гроза бузил,
 сачков,
 нерях,
он был не просто ихтиолог,
а всей команды идеолог —
«тиран» в кирзовых прохарях.
Взирал он бдительно на мир,
прикрывши лысину на кумполе
узбекской тюбетейкой,
 купленной
в ларьке «Байкальский сувенир».
Боялся он любой стоянки,
как партизанских джунглей —
 янки.
И берег,
 где вино и женщины,
где столько разных обирал,
как символ
 чуждой разложенщины
воспринимал наш адмирал.
Он бы, наверное,
 и Моцарту
сказал,
 как говорил он нам:
«Учитесь подавлять эмоции!
На койку!
 Берега не дам!»
А там
 у крошечной турбазочки
вокруг костра на берегу,

обнявшись,
 пели скалолазочки
такие —
 просто не могу!
Наш теплоходик типа катерного
стоял от счастья метрах в стах,
и что-то вроде всхлипа матерного
у нас дрожало на устах.
И, сублимируя энергию,
глядела на огонь костра
команда наша
 слабонервная,
вцепившись мрачно в леера.
Я так хотел, —
 мое вам с кисточкой! —
входя в прельстительную роль,
с интеллигентною туристочкой
поговорить о Блоке,
 что ль!
Но для лишенных права берега
в стране не чьей-то,
 а родной
была турбаза,
 как Америка,
куда нет визы выездной.
Во сне подушки мы кусали
и к возвышающей звезде
с полузакрытыми глазами
сквозь сон шагали по воде.
На смех москвичек,
 ленинградочек,
в нас не вселяя больше страх,
как призрак,
 шел за нами, крадучись,
тиран в кирзовых прохарях.

12 февраля 1971

СПАСИБО ВАМ ЗА ТИШИНУ

Музыка Н. Богословского

Давным-давно прошла война,
и у Мамаева кургана
теперь такая тишина,
что слышны шорохи тумана.

И только запах чабреца,
и только ястреб онемелый,
и только слышатся сердца
в груди гранитной монументов.

И по-девчоночьи хрупка,
проста, как сердца чистый отзвук,
есть в книге записей строка,
так непохожая на отзыв.

И, вспоминая ту войну,
читают люди на кургане:
«Спасибо вам за тишину», —
и подпись тоненькую — «Таня».

Ах, набинтуй, туман, бинтов...
Кто эта Таня — я не знаю,
но все мы дети тех бойцов,
кого взяла земля сырая.

Мы будем свято помнить их,
здесь прикипавших к пулеметам...
Так надо жить, чтоб за живых
в земле не стыдно было мертвым.

Я счастлив тем, что я родной
любому майскому побегу,
что светит солнце над страной
медалью общей за победу.